

Захарова А.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Летом 1942 года через линию фронта, в тыл врага, осторожно продвигалась группа в девять человек. Позади сотни километров трудного пути, а впереди родные села и деревни, занятые лютым врагом.

Вот железная дорога. Она тщательно охраняется немцами: подходы заминированы, вырублены придорожные полосы леса, шныряют патрули, вдоль дорог бункера, дзоты с подземными ходами.

– Туго приходится завоевателям, если им нужно так охраняться, – сказал кто-то. – Видно, здесь уже поработали партизаны.

Только подрывники взошли на полотно, из-за насыпи выскочила большая группа немецких солдат. Завязался бой. Из ближнего бункера застрочил пулемет.

В коротком, но жарком бою, первом бою в тылу врага, группа проявила выдержку, умение быстро ориентироваться в обстановке. Особенно отличились три бойца, три друга – Владимир Короткий, Филипп Ковалев и Иван Шитиков. Все трое – в прошлом бойцы Красной Армии. С первых дней войны участвовали в тяжелых боях, познали горечь отступления. Филипп Ковалев в сентябре 1941 года в боях за Ленинград был тяжело ранен. Лечился в госпитале, на Урале. А когда стали выписывать, объявили, что в строй ему уже не вернуться.

– Как не вернуться? – удивленно переспросил Ковалев. – Враг топчет нашу землю, а я буду смотреть на это со стороны? Нет! Не могу!

Настойчиво просил он, чтобы его признали годным к службе в армии. Отказали.

Тогда он написал в штаб партизанского движения, и уже не просил, а убедительно требовал направить его в тыл врага, в Белоруссию.

Его желание удовлетворили. На курсах подрывников он встретился с Шитиковым и Коротким. С тех пор и стали они неразлучными друзьями.

На живописных берегах реки Друть в Рогачевском районе раскинулись Озерянские леса. Красивые места. То на десятки километров тянется сосновый бор – чистый, звенящий. Сосны, вытянутые в струнку, отливая медью, вершинами подпирают облака. То дубовые рощи, с могучими столетними великанами дубами. А то смешанный лес – веселая береза вперемежку с сосной и елью, осина, липа и... птичий гомон. Настоящая симфония птичьих голосов!

К Озерянским лесам примыкают леса Кировского, Быховского, Кличевского районов.

Сюда и шла группа партизан во главе с Филиппом Ковалевым. В лесах Рогачевщины с августа 1941 года действовал Рогачевский

подпольный райком партии. Рогачевские большевики подняли народ и организовали его на великую борьбу с фашистскими ордами. К осени 1942 года здесь действовал 255-й партизанский отряд, насчитывавший к тому времени сотни бойцов. Позднее отряд вырос в 8-ю Рогачевскую бригаду.

В отряде было немало опытных бойцов: Константин Гордиевский, Аркадий Добкин, Григорий Клятецкий, Василий Яркин и другие. Все они имели богатый опыт подрывников. Сами умели изготавливать мины, на счету у каждого были подорванные эшелоны. Группу Ковалева встретили радостно. Делились новостями, опытом. Ковалевцы сразу же включились в дело.

Особое внимание партизаны уделяли участку железной дороги Могилев – Рогачев в районе Старого Села. Здесь на партизанских минах систематически подрывались вражеские эшелоны.

Гитлеровцы создали на подходе к этому участку железной дороги сильно укрепленный гарнизон. Со всех сторон обнесли его колючей проволокой, по углам расставили пулеметные гнезда. В помощь часовым дали здоровенных овчарок. Этот гарнизон надо было ликвидировать.

– Разобьем, хлопцы, обязательно разобьем, – обещал Ковалев. – Не силой, так хитростью возьмем. – Он и предложил план.

Разведка установила, что кроме немцев в гарнизоне есть власовцы. Через жителя Старого Села Андрея Колачева выяснили, что двое из них – Амвросий Товсторог и Григорий Лавриненко – бывшие военнопленные, давно ищут связи с партизанами. Решили воспользоваться их помощью. Операцию намечали на ту ночь, когда часовым будет Товсторог.

Партизаны, разбившись на группы, без шума должны окружить гарнизон. Лавриненко поручили изолировать овчарок. Ровно в полночь Товсторог должен был дать сигнал. От того, как они выполнят задание, зависело, быть им в партизанском отряде или не быть.

И вот наступила эта ночь. Ковалев, Короткий и Шитиков залегли совсем рядом с входом в гарнизон. Остальные группы – подальше. Побежали минуты. Уже за двенадцать, а сигнала все нет.

Какие только мысли не лезут в голову: не разоблачен ли Товсторог, не струсил ли? Может, немцам уже известно о плане партизан? В таком случае, вместо легкой победы, придется вести тяжелый бой. А партизан небольшая группа, оружия всего один пулемет, с одним заряженным диском, два автомата и несколько карабинов. И все-таки партизаны от намеченного не отступают.

Но вот и сигнал. Ковалев, Короткий, Шитиков и Радчиков вбежали в помещение. Дежуривший у телефона немец растерялся, но, когда Короткий взял из сейфа документы, а Ковалев и Шитиков бросились в соседнюю комнату, он закричал. Всполошился весь гарнизон. Начался бой. В короткой схватке гарнизон был разгромлен. Здание сожжено. У партизан потерь не было.

Немцы так и не восстановили здесь гарнизона. Подходы к железной дороге стали свободны.

Еще не остыв от горячего боя, партизаны пошли подрывать эшелон. Здесь поработали уже разведчики: изучены подходы, патрулирование, выбрано место для подрыва.

Залегли совсем близко к полотну. Ждут поезда. Заранее мину ставить нельзя – ее обнаружат миноискатели, патрули. Лежат часа два, а поезда нет. Несколько раз прошли патрули. Ясно слышна чужая речь. Партизаны молчат. Выждать можно, лишь бы у патрулей не было собак.

Наконец послышался шум идущего поезда.

– Приготовиться! – раздалась негромкая команда Ковалева.

Стремительный бросок – и диверсанты у рельс. Тол, мина – все приведено в готовность и заложено. Вдруг Ковалев выругался:

– Слышите, хлопцы, идет-то порожняк!

– Спасай мину, убирай тол! – приказал Ковалев и добавил: – Не унывай, ребята, дождемся тяжеловеса.

И верно, через небольшой промежуток времени шел долгожданный тяжеловес.

– Ну, этот наш, – обрадовался Филипп и направился закладывать мину. С противоположной стороны показались патрули.

– Дать огня! – приказал Ковалев.

Немцы не успели опомниться, как были сметены партизанским огнем.

Эшелон все ближе. Партизан с полотна как вихрем сдуло. Раздался оглушительный взрыв, к небу взметнулся столб огня. Грохот, треск.

– Вот это картина! – восхищенно произносит Филипп, – хватит теперь фашистам работы.

Довольные возвращались в лагерь диверсанты. Их обступили партизаны и подрывники других групп, только что вернувшихся с задания. Начались расспросы, рассказы. Новички с восхищением смотрели на диверсантов, на Филиппа.

Он говорил меньше всех. Лишь улыбался своей открытой, подкупающей улыбкой. "Мягкий человек", – говорили про Филиппа Ковалева друзья. Да, мягкий, чуткий, заботливый к своим товарищам, к нашим советским людям. Но гневен, суров и непримирим к врагу.

После удачной операции особенно приятен отдых. Вечером у костра партизаны поют. Поет и Ковалев. Он любит петь. Голос у него чистый, задушевный. И его заслушивались все.

Зная мою любовь к песне, Ковалев нередко в свободное время заходил ко мне в землянку и, смущаясь (его смугловатое лицо заливалось при этом краской), просил:

– Товарищ комиссар, пойдете к костру, споем.

Я шла, и мы пели с ним в два голоса наши любимые: "В чистом поле под ракитой", "Золотые вы песочки", "Там за лугом зелененьким". Мы пели, а к костру все подходили и подходили слушатели...

Наступала зима 1943 года. Холода сильные. Одежда у партизан ветхая. Но случаев невыполнения задания не было.

В один из таких холодных дней ушел со своей группой и Филипп. Шли к железной дороге Рогачев – Быхов, на участок недалеко от станции Тощица.

Разведка по своей цепочке связи донесла, что ожидается воинский эшелон с живой силой врага.

Зимой подходить к полотну железной дороги труднее, чем по черной тропе.– Могут подвести следы. Группа идет след в след, а последний замечает их.

Идут днем, в маскировочных халатах – теперь немцы редко пускают эшелоны ночью. При малейшей тревоге раздается команда: "Ложись!" Иногда приходится лежать часами.

До слуха доносится гул приближающегося поезда.

– Закладывай взрывчатку, быстро! Протягивай шнур, – командует Ковалев.

Но как тут сделаешь быстро, когда руки заоченели, пальцы не гнутся, шнур запутался. Филипп помогает, поправляет и ободряет товарищей.

Все сделано вовремя. Рывок! Взрыв! Паровоз подскочил, потом накренился набок. Вагоны полезли один на другой. Крики, стоны, стрельба...

И в стужу и метель, в проливной дождь и в мороз – всегда Ковалев спешил со своей группой на железную дорогу. По пути подбивали автомашины врага, взрывали и поджигали мосты, разбивали небольшие гарнизоны. Бывало, скажешь:

– Отдохни, Филипп! Дай своим хлопцам передохнуть.

– Нет, товарищ комиссар, дельце предстоит горячее, а хлопцы сами рвутся на дела.

И всегда подтянутый, бодрый, с горящими искрами в карих глазах, он шел сам и вел за собой людей.

Еще когда Филипп подорвал первый эшелон, он сделал на скобе своего автомата зарубку. С тех пор зарубок прибавилось.

Как-то, сидя у костра, друг Филиппа Иван Шитиков, ставший начальником штаба одного из отрядов, говорит:

– Ну-ка, Филипп, покажи твой боевой счет.

Ковалев протянул ему автомат. Семь зарубок. Семь подорванных эшелонов.

– Отлично, – оценил Шитиков.

– Нет, – отвечал Филипп, – вот когда на моем автомате будет двадцать зарубок, тогда я скажу: "Хорошо, Филипп, работаешь, а пока это только начало".

Свой боевой опыт Ковалев передавал молодым партизанам.

Бывало, сидят где-нибудь на полянке, и Филипп обучает их своему мастерству. А потом ведет их на участок дороги Осиповичи – Могилев, которую партизаны держали в своих руках, и немцы ею не могли

пользоваться. Тут и начиналась настоящая работа: разведка подходов, засады, закладывание мин, отход.

Филипп строг и требователен. "Минер ошибается один раз в жизни", – напоминал он новичкам, требуя от них знания дела, точной и чистой работы, осторожности и быстроты в действиях.

И молодежь тянулась к своему учителю...

Тихая ясная ночь. Из глубины леса долетают какие-то шорохи. В кустах часовые. Лагерь спит. Только в одном шалаше слышен тихий разговор. Это новички-диверсанты. Все семеро – комсомольцы, и с ними Филипп Ковалев. На рассвете они пойдут на задание. Не спится. И самый младший из них, шестнадцатилетний Шура Литвиновский, мечтательно говорит:

– Филя, скажи, ведь не стыдно мечтать, когда идет война и вокруг люди умирают?

– А о чем ты мечтаешь? – спрашивает Ковалев.

– Вот как кончится война, и прогоним фашистов, я обязательно пойду учиться. Я мечтаю об институте народного хозяйства, – ответил Шура.

– Это хорошая мечта, Шура, и она сбудется, – говорит Ковалев и добавляет: – А я тоже мечтаю. Вернусь после победы в свою деревню, обниму березки у дома, если они уцелели, а нет – так новые посажу. Сяду на трактор и проложу первую мирную борозду.

Все притихли, а он добавил:

– Люблю свою Родину, ее землю, ее небо, ее людей. И верю, что все мы будем счастливы. Ну, хлопцы, а теперь спать...

Ковалев подготовил тринадцать диверсионных групп. Враг не знал покоя от их ударов.

Часто не хватало взрывчатки. Ее добывали сами, выплавляя тол из неразорвавшихся снарядов и бомб. Собирали снаряды все партизаны. Помогало в этом и население, особенно мальчишки. Они-то уж знали, где можно искать неразорвавшийся снаряд или бомбу. Выплавка тола разрешалась только наиболее опытным диверсантам.

Так в борьбе проходили дни и ночи. Были и радости и горькие минуты.

Героической смертью в одном бою погибли лучший друг Филиппа Иван Шитиков и Ваня Мельников, семнадцатилетний паренек, замечательный пулеметчик, весельчак. Вышел из строя боевой товарищ Ковалева Владимир Короткий. В одном из боев он был тяжело ранен и отправлен в советский тыл.

Филипп тяжело переживал эти потери, но головы не вешал. Почти без передышек, обрастая все новыми и новыми диверсантами, выходил на новые диверсии, совершал новые подвиги. На автомате Филиппа Ковалева было уже 19 зарубок, 19 подорванных эшелонов противника с живой силой и техникой! Он подбил 30 автомашин, подрывал мосты, уничтожал склады боеприпасов. Да всего не перечтешь! За эти заслуги в феврале 1944 года подпольный райком партии и командование

бригады представили Филиппа Ивановича Ковалева к награде и присвоению звания Героя Советского Союза. А через месяц он погиб. Не дожидаясь юный герой до победы, не обнял березки у родного дома.

Вот как проходил этот последний бой.

Уже пригревало весеннее солнце, уже доносились из-за Днепра громовые раскаты орудий Красной Армии, уже был освобожден наш город Рогачев, Партизаны, стремясь приблизить освобождение родной Белоруссии, все сильнее и сильнее наносили удары по врагу.

17 марта 1944 года партизаны вышли на разгром воинской части противника, двигавшейся к фронту по шоссе Могилев – Бобруйск.

Операция была тщательно разработана и подготовлена. Каждый отряд, батальон полка знал свою задачу. Внезапность и неожиданность нападения партизан обеспечили полный успех. В первые же минуты боя вся техника и орудия были выведены из строя. Отходить фашистам было некуда, и они почти все были перебиты.

В этом бою Ф. И. Ковалев командовал ротой. Бой уже затихал. Слышались последние выстрелы. В это время Филипп Иванович, поднявшись во весь рост, окинул взглядом своих бойцов и громко произнес: "С победой вас, товарищи партизаны!" И вдруг медленно стал опускаться на колени. Когда к нему подбежали партизаны, сердце его уже не билось. Оказалось, что на противоположной стороне дороги притаился гитлеровец. Он без цели дал последнюю очередь из автомата. И одна из шальных пуль сразила нашего любимца, попав прямо в сердце.

Тяжело терять боевых друзей, с которыми бок о бок пройдены военные пути-дороги. Но еще более горька такая неожиданная смерть – смерть после боя.

Хоронили Филиппа в деревне Борки. Вся бригада застыла в скорбном молчании вокруг свежевырытой могилы.

Я, комиссар, произношу прощальные слова. Партизаны и партизанки не могут сдержать рыданий. По бородам пожилых партизан катятся слезы.

– Прощай, Филипп. Клянемся мстить врагу за твою смерть, за муки нашего народа.

– Клянемся! – гулким эхом понеслась грозная партизанская клятва.

Звучит троекратный салют. Командиры отрядов, групп строят в ряды партизан, прямо от могилы славного героя идут громить коварного врага.

Захарова, А. Последний бой / А. Захарова // Люди легенд / [составители: В. Павлов, Н. Полтораков, И. Селищев]. – Москва, 1965. – Вып. 1. – С. 540–547.